

I

Потоки дождя заливали оконные стекла. Водосточные трубы гудели на все голоса. С пустынной улицы в комнату струился серый свет. Было десять часов утра, а казалось, вот-вот наступит вечер. Издалека донесся рожок продавца рыбы. Мадлен зажгла настольную лампу. В ненастные дни городок навевал тоску, и все же ее нисколько не тянуло в Париж. Да и Франсуаза не слишком настойчиво звала ее в своем письме. Какое-то странное письмо, написанное словно в смятении. Мадлен получила его утром и то и дело мысленно к нему возвращалась. Отрывочные фразы, туманные выражения, многоточия... То ли Франсуаза чем-то вправду расстроена и не решается об этом сказать, то ли она просто томится без причины, как многие в ее возрасте. Так или иначе, после того, что произошло месяц назад, Мадлен решила не появляться на улице Бонапарта без приглашения брата. Раз уж он осмелился заявить ей, чтобы она не вмешивалась в его семейные дела, она не поедет к нему, пока он не признает, что был не

прав. Правда, Франсуаза писала, что отец вылетел на неделю в Лондон. И все равно она не воспользуется его отсутствием и не станет навязываться! Она слишком горда, ей не пристало тайком встречаться с детьми брата. К тому же у нее и дома дел хватает. С тех пор как старая Мели стала приходить только два раза в неделю, все хозяйство легло на ее плечи.

Суконка скользила по крышке ларя, точно по зеркалу. Ничем так не оживишь старого дерева, как пчелиным воском. Даже тратить силы не приходится, когда трешь. Чуть касаешься тряпкой легонько, ласково — и все начинает сиять. В сотый раз Мадлен подумала, не лучше ли ларь будет смотреться у окна, чем возле камина. Набитый поломанной утварью, тряпьем и старыми бумагами, ларь был очень тяжел. Упершись обеими руками, Мадлен стала толкать его, ларь со скрежетом двинулся по кафельному полу, цепляясь за неровно уложенные плитки. Да, немало она потрудилась, собирая по крестьянским кухням в окрестностях эти старинные плитки красивого розового цвета в серо-коричневых крапинках! Как она радовалась в тот день, когда под ее руководством молодой рабочий выложил ими полы! Как же его звали? Моретти, Морелли... Словом, итальянец. Одни только итальянцы знают толк в старинных материалах. А ну-ка еще чуть-чуть приналежь, и ларь переползет через выступ на стыке. Мадлен напрягла мускулы. Коренастая, крутобедрая, она всегда любила физическую работу. Девушкой лазила по горам с Юбером, в ту пору, когда он был ее женихом. Сейчас ей это было бы не под силу. Она слишком много курит, страдает одышкой, растолстела. Что подела-

ешь, сорок девять лет! Но с этим ларем она все же сладит! Резким движением Мадлен толкнула его. Готово! И даже подпирать не нужно!

Мадлен откинула волосы со лба, отступила на три шага, прислонилась спиной к стене и закурила. Слегка прищурившись, она оглядела результаты своих трудов. Никаких сомнений: перестановка нарушила гармонию. Всякий раз, когда она пыталась что-то изменить, она убеждалась, что прежде было лучше. Это жилище, которое уже нельзя было сделать красивее, внушало ей нечто вроде любовной досады. Целых три года она билась в погоне за ускользающим совершенством. В первое время жила в маленькой комнате на втором этаже, чуть свет надевала комбинезон, шерстяную безрукавку и спускалась вниз, чтобы руководить перестройкой. В полдень выпивала глоток кальвадоса с рабочими, нанятыми тут же поблизости. Что ни день, то одна, то другая задача требовала разрешения. Самой удачной затеей Мадлен оказалась винтовая лестница посреди просторной и единственной комнаты нижнего этажа. Только верхние ее балясины были XVIII века, но столяр Плэж из Канапвиля искусно вытесал остальные из дубовых бревен, которые он раздобыл, когда сносили дом по соседству, и теперь вся лестница выглядела старинной. Благородная и массивная, с резными перилами и узкими веерообразными ступенями, лестница скрывала заднюю часть комнаты, отведенную под кухню. За черными железными створками находились кухонная раковина и плита. Котел помещался в стенном шкафу. Радиоприемник, проигрыватель и телефон прятались в нише, за дверцами — тоже старинной работы.

Мадлен оттащила ларь на прежнее место. Больше нет смысла его трогать! Шкаф, стол и скамьи также пусть остаются на своих местах... Взгляд ее с гордостью задержался на высоком камине, несомненно, ровеснике дома. Сложенный из простого белого камня, он поистине был памятником эпохи. Надпись на плите, вмазанной в основание очага, гласила: «Сработано мною, Жаном Гийо, для кюре нашего прихода господина аббата Эроса в лето от Рождества Христова 1783». В тихие минуты Мадлен нередко представляла себе этого аббата перед камином с требником в руках и кошкой на коленях. А сколько сомнений и тревог пережила она, пока прилаживались резные деревянные панели, грубо отесанные потолочные балки! И все же ее упорство одержало победу! Понемногу, с большой осторожностью ей удалось вернуть старому дому священника первоначальный вид. И вот в прошлом году господин Кормье, архитектор из Общества охраны исторических памятников, оказавшись проездом в здешних краях, с похвалой отзывался о плодах ее усилий. Все время, пока реставрировался дом, Мадлен не знала ни минуты покоя, словно ей приходилось заботиться о ком-то, кто постоянно требовал ее внимания. И может быть, среди всей этой утвари и камней, которые она выбирала и прилаживала по своему вкусу, она была счастливее, чем в пору замужества. Она вступила в брак без любви, лишь из чувства дружеской привязанности. После года однообразной супружеской жизни без туч, без бурь и озарений началась война. О том, что Юбер убит под Дюнкерком, Мадлен узнала через три месяца. Ее горе казалось ей такой же условностью, как и соболезнования, которые она принимала. Надев траур по

погибшему герою, она не могла избавиться от ощущения, будто обманывает окружающих. От замужества осталось скромное, но достаточное для жизни состояние, вверенное заботам нотариуса, и неблагозвучное имя — госпожа Горже. Насколько приятнее для слуха была ее девичья фамилия Эглетьер! Поработав некоторое время секретаршей в различных комитетах и обществах, она поступила продавщицей в антикварный магазин Метивье на Левом берегу. Здесь она овладела секретами этой профессии и, если бы не интриги второй жены Метивье, по-прежнему служила бы у него. Нет ничего хуже, чем стать незаменимой там, где распоряжаются два хозяина. В конце концов склоки наскучили ей, она ушла из магазина и переехала в местечко Тук, близ Довиля. Там она приобрела почти задаром красивый, но разрушающийся дом, расположенный в саду бездействующей церкви. На следующий год Мадлен взяла в аренду магазин в доме через улицу и открыла торговлю антикварными, а вернее, подержанными вещами. Если не считать летнего времени, покупателей было мало. Из своего окна сквозь завесу дождя Мадлен видела запертые двери и неизменную табличку: «Просьба постучать в дверь напротив». В витрине красовались прелестный круглый столик времен Людовика XVI, искусственный свадебный букет под стеклянным колпаком, серебряные табакерки, декоративная бронза, разные флаконы и в романтическом стиле чернильницы из парижского фарфора... Сама же она любила простую мебель, наивные безделушки, и они отвечали ей взаимностью. С годами Мадлен все больше убеждалась, что общение с вещами вполне заменяет ей общение

с людьми. Так называемая мертвая материя наделена теплом и нежностью, которых лишено большинство людей, нужно только уметь видеть ее, к ней прикоснуться. Лишь тому, кто обрек себя на полное одиночество, дано наслаждение тихой беседой с вещами. Кончиками пальцев Мадлен прикоснулась к каминной полке. Она гладила прохладный, слегка вогнутый камень и думала о Франсуазе.

Докуренная почти до конца сигарета жгла ей губы. Она погасила окурок в пепельнице, надела очки и вытащила из кармана письмо:

«Как обидно, тетя Маду, что тебя в эту минуту нет рядом со мною! Я переживаю сейчас период какой-то дурацкой нерешительности. Меня пугает прыжок в неизвестность. Но с папой я не могу об этом говорить. Он мужчина и, конечно, поймет все неправильно. Мама же все больше от нас отдаляется, она поглощена своим счастьем. Приходится решать самой. А это очень трудно...»

Мадлен пожала плечами: что решать? Продолжать ли Франсуазе учиться в Институте восточных языков или же перейти в Сорбонну на отделение английского языка? Нет, тут наверняка что-то иное. Может быть, у нее роман? Но так трудно представить себе Франсуазу влюбленной. Слишком уж она рассудительна, невозмутима и к тому же малопривлекательна! Думая о ней, Мадлен вспоминала себя в том же возрасте, свое умытое мылом лицо, крепкое здоровье, прямодушие и усидчивость в занятиях. Подобные натуры находят счастье, лишь добровольно отрекаясь от лю-

бовных радостей, подумала Мадлен и закурила новую сигарету, втайне довольная тем, что ей самой уже не грозят сердечные бури. После смерти Юбера никто не занял его места. Мадлен с головой ушла в работу и воспитание племянников и даже не помышляла о новом замужестве. А о любовной связи и подавно. Впрочем, никто и не домогался ее благосклонности. Зато теперь она наконец свила гнездо по своему вкусу — из камня и дерева. Остервенение, с которым Мадлен без устали наводила лоск в своем доме, словно ожидая какого-нибудь принца, многим могло показаться маниакальным. А ведь люди посещали ее так редко, и были они так незначительны! За пять лет, что она тут обосновалась, брат и племянники навестили ее всего три раза. Между тем у нее были две прелестные комнаты для гостей. Если Франсуаза выйдет замуж, она сможет приезжать сюда на субботу и воскресенье с мужем и детьми...

«Ах, теперешние дети — форменные дикари, они все переломают! Ну нет, Франсуаза сумеет воспитать своих детей. Я ей помогу. Они будут немного и моими. Впрочем, тут нельзя наперед загадывать». Мадлен познала это на собственном опыте. Когда Филипп развелся с женой, он попросил сестру заняться детьми, и ей казалось, что без нее им не обойтись. Материнское чувство захватило ее без остатка. Даниэлю было тогда два с половиной года, Франсуазе едва пошел пятый, а Жан-Марку минуло шесть. Около восьми лет она самозабвенно растила их и воспитывала. В это время она работала у Метивье только на половинном жалованье. И когда, уступая настояниям жены, антиквар подыскал себе новую помощницу, Мадлен,

у которой доставало хлопот по дому, встретила это без огорчения. Заботы обступали ее со всех сторон! Надо было варить кашу, лечить аденоиды Франсуазы, следить, чтобы Даниэль не сосал палец, чтобы дети молились на ночь, учили уроки, не получали плохих отметок в школе, гуляли по воскресеньям... Затем в доме вдруг появилась новая хозяйка. Пришлось смазывать удочки. Разумеется, никто не сказал ей и слова благодарности. Что ж, это в порядке вещей. Горевали ли дети, разлучившись с нею? Вряд ли. Их жизнь шла своим чередом. Почти одновременно ей пришлось уйти от Метивье и съехать с квартиры на улице Бонапарта. Ни работы, ни своего угла. Дом в Туке стал для Мадлен прибежищем. Укрывшись в этой обители вдали от шумного мира, она без усталости лелеяла свое жилище и свои воспоминания... Наконец-то она сообщила, что ей режет глаз: дверные ручки из кованого железа. Как некрасивы эти черные пятна на темном дереве! «Если я найду старинные медные, двери заиграют».

Уже полдень! Ей давно пора к морю, надо собрать немного раковин на пляже. Эта ежедневная прогулка Мадлен, единственная разминка, к которой она еще себя принуждает. Вот уже лет восемь, как она толстеет. Сначала это ее огорчало, а теперь стало безразлично. Заботы о внешности давно уже оставили Мадлен, и она целыми днями ходила в брюках и свитере.

Пять минут спустя Мадлен уже была на улице в желтом плаще и надвинутой на самые брови зюйдвестке. Ветер и дождь с силой хлестали ее по лицу, не давая ни на чем сосредоточиться. Без единой мысли

в голове она шла против холодного ветра; все в деревушке блестело от дождя: и крыши, и окна, и лужи. Ее малолитражка стояла на площади около бездействующей церкви. Мадлен протиснулась на сиденье, включила зажигание и задумчиво взглянула на залитое водой ветровое стекло, по которому мерно ходили щетки дворников.

К пляжу она подъехала в час отлива. Почти до горизонта, где вскипало и пенилось море, простиралась ровная, твердая и влажная пустыня. Меж продолговатых гладких камней змеились, устремляясь к морю, быстрые ручьи, оставляя в песке рыхлые следы, большие радужные лужи кишели крохотными рачками в прозрачном панцире. Лохматые черные водоросли, выброшенные на берег, были покрыты хлопьями пены, грязной, точно после стирки. В воздухе остро пахло водорослями и солью. Издалека доносился приглушенный рокот моря. В небе с криками кружили голодные чайки. У самой воды несколько человеческих фигурок с неясными, словно размытыми, очертаниями наклонялись и распрямлялись, что-то собирая. Мадлен подняла несколько раковин, наполовину ушедших в песок, вскрыла одну из них перочинным ножом и проглотила содержимое, почувствовав на миг аромат и вкус моря. Остальные она припрятала: пойдут на закуску. Попозже она заглянет в колбасную к Сильвестру. Там продается чудесный деревенский паштет!.. Конечно, это не самая подходящая еда для тех, кто заботится о талии. Но у нее никогда не хватит мужества отказаться от удовольствия вкусно поесть. Да и ради кого, спрашивается? Она позавтракает на скорую руку, выпьет у камина крепкого горячего кофе

с рюмочкой кальвадоса... Потом возьмется за свое вышивание — большой букет красных и желтых увядающих цветов, — поставит пластинку, что-нибудь из Баха или Моцарта, и час потечет за часом, неторопливо, до самого вечера, среди милых ее сердцу и преданных ей вещей. Внезапно ход ее мыслей прервался. Мадлен посмотрела вокруг. Куда ни бросишь взгляд — безлюдье, дождь, серость, песок, вода... Что она тут делает, на этом берегу, с корзиной в руках? Острая тревога охватила ее. Позвонить Франсуазе? Нет, по телефону всего не скажешь. Есть вещи, о которых говорят только с глазу на глаз. Поехать туда, расспросить обо всем, разузнать во что бы то ни стало...

Она вытряхнула раковины из корзины и повернула обратно. Ветер дул ей в спину. На плотном песке ноги почти не оставляли следов. Она вскочила в машину, вернулась домой, быстро собрала чемодан. Такие внезапные поездки в Париж вошли у нее в привычку. Она снова вышла, одетая по-городскому, с зонтом в руке, заперла на два оборота двери дома, бросила чемодан на заднее сиденье, решительно схватилась за руль и ринулась в дождь. По вымытому ливнем шоссе тянулись вереницей тяжелые грузовики. Она постепенно обогнала их один за другим. И теперь думала только о Франсуазе.

II

Капли шлепаются на банановые листья с совсем особым, неповторимым звуком. Вот уже трое суток раздается эта однообразная барабанная дробь, отуп-

ляющая, точно завывания колдуна. Стоя на пороге хижины, Даниэль пытается разглядеть сквозь пелену дождя тропический лес, в тайну которого он поклялся проникнуть. Внезапно ливень утихает, небо проясняется, окутанный дрожащей дымкой испарений, проступает окрестный пейзаж. Перед выходом нужно наскоро закусить горстью риса и сахарным тростником. А издалека уже слышатся звуки там-тама и тыквенных погремушек. Это сигнал. Отряд трогается в путь вслед за проводником, чернокожим атлетом в набедренной повязке из сухой травы. Вооружившись топориком, он прорубает проход в стене сплошных зарослей. Перерубленные лианы, а иной раз и змеи падают под ноги. Даниэль ступает по мягкому месиву из перегнивших листьев, насекомых и грязи. Со всех сторон доносятся пронзительные крики птиц, визг обезьян, рычание хищных зверей...

— Эглетьер, повторите то, что я сказал!

Из недр Африки Даниэль сокрушенно взирает на лысого, бледного и унылого человека, который обратился к нему с этими словами.

— Вы, разумеется, опять не слушали, — продолжает преподаватель математики. — А между тем, учитывая ваши слабые способности к точным наукам, вам следовало бы быть особенно внимательным. Так что не удивляйтесь, если в следующий четверг вам придется посидеть в классе.

На Даниэле уже не было колониального шлема. Товарищи потешались над ним, но он не обижался. Час назад на уроке географии они доказали, что они славные ребята. Всю жизнь он будет благодарен им за то, что из всего класса его и Лувье избрали канди-

датами на получение туристской субсидии из фонда Зелиджа. В соответствии с уставом голосование было тайное. Несколько минут он разглагольствовал, объясняя, что именно его интересует в Африке, и сразу, в первом туре, получил большинство голосов. Хотя, если говорить правду, его лучший друг Дебюкер уже недели две вел агитацию в его пользу. Чем его отблагодарить? С Берега Слоновой Кости Даниэль привезет ему в подарок подлинный тотем. Ибо Даниэль намеревался исследовать именно Берег Слоновой Кости. По свидетельству самых серьезных авторов, там еще существуют малоизученные области, где вопросы чести по-прежнему разрешаются с помощью ядовитых стрел. Отправляясь в эти первобытные места, совершаешь двойное путешествие — в пространстве и во времени. При мысли об этом у Даниэля захватывало дух. Брат и сестра посмеивались над его увлечением, отец хранил молчание. Надо убедить его, и как можно скорее: без его письменного согласия все сорвется. Даниэля брала досада, когда профаны начинали толковать ему о предстоящих экзаменах на степень бакалавра¹. Подумаешь, невидаль! Да что они значат в сравнении с экспедицией,

¹ До недавнего времени во Франции по окончании 10-го класса средней школы учащиеся сдавали комиссии при университете экзамены первого цикла на получение степени бакалавра. После чего переходили в выпускной (11-й) класс своего учебного заведения, по окончании которого сдавали второй цикл экзаменов на степень бакалавра. Получив эту степень, они имели право поступить без экзаменов в любой университет Франции. — *Прим. перев.*

к которой он готовился! А между тем опять-таки по уставу он должен представить не позднее 2 января проект маршрута и план исследований. Из семисот двадцати проектов, поданных учениками выпускных классов, специальная комиссия отберет триста. Их авторы получают небольшую сумму на расходы по путешествию и диплом на пяти языках в качестве рекомендательного письма. По возвращении надлежит сдать отчет о поездке с фотографиями и рисунками; доклады, признанные лучшими, дадут право на вторую, более значительную, субсидию.

Спрятавшись за спину впереди сидящего, Даниэль достал карманный атлас и углубился в изучение карты Африки. Он уже прочертил красным карандашом свой путь: Париж, Марсель, Алжир, Каса-бланка, Дакар, Конакри, Абиджан... Цель поездки: изучение санитарных условий жизни африканцев в местностях, удаленных от крупных населенных пунктов. Разумеется, трудновато для ученика выпускного класса, не имеющего ни малейшего понятия о медицине. Даниэль и сам понимал, что для избранной проблемы ему не хватает знаний, и все же не сомневался, что, оказавшись на месте, в гуще жизни, сумеет восполнить этот пробел энтузиазмом. Если его проект будет одобрен, он уедет немедленно после экзаменов, а выдержит он их или нет, не имеет никакого значения! Иначе говоря, в начале июля. А сейчас ноябрь! Целых семь месяцев ожидания. Он смирился и заставил себя прислушаться к потоку алгебраических формул. Знак производной, знак вариации $x f y$. Черная классная доска пестрела множеством знаков, написанных мелом, точно тол-

па негров с яркими белками глаз. А дождь все лил за грязным окном, на двор лица, на островерхие крыши хижин, на девственный лес, на озеро кофейного цвета, в котором плещутся бегемоты. В четыре часа звонок прервал наконец речь преподавателя, и Африка скрылась в туманных даях. Сорок учеников бросились к выходу, словно пассажиры тонущего корабля к спасательным шлюпкам. В коридоре Дебюкер догнал Даниэля и хлопнул его по плечу:

— Ну, доволен?

— Еще бы, — ответил Даниэль. — Но почему ты не выдвинул свою кандидатуру?..

— Родители против.

— А ты не пробовал уговорить их?

— Шутишь, — вздохнул Дебюкер. — Они всегда заодно, и попробуй с этим что-нибудь поделаться. Но, по правде говоря, мне самому не слишком улыбается поездка, когда денег в обрез, как раз столько, чтобы не помереть с голоду. Я люблю жить с удобствами. Без моей комнаты, без пластинок и книг я начинаю хандрить. Ты там еще хлебнешь горя, вот увидишь!

— Возможно.

— Ну и что, не боишься?

— Немного боюсь, — признался Даниэль. — Но именно это и завлекательно!

Даниэль слегка рисовался своей страстью к приключениям, а Дебюкер в свою очередь преувеличивал приверженность к комфорту и интеллектуальным занятиям; каждый старался не нарушить того представления, которое составил о нем другой. Дебюкер всегда изысканно одевался: невысокий изящный блондин в белоснежной рубашке, на узких ногах

черные, хорошо начищенные туфли. Чуть заметный искусственный зуб придавал металлический блеск его улыбке. Он слегка шепелявил. И шел первым по всем предметам. Для Даниэля, мывшегося отнюдь не часто и одевавшегося во что придется, этот денди с несколько педантичным складом ума олицетворял собой удачу, на которую сам он никогда не сможет рассчитывать. Проходя по коридору, Даниэль покосился на свое отражение в окне. И уже в который раз с неудовольствием увидел узкие плечи, длинные руки, развинченную походку и маленькую круглую голову с лохматым русым чубом, незапоминающееся, заурядное лицо. И все-таки в защитной форме, какую носят в джунглях, с фотоаппаратом через плечо и стеклом в руке он будет выглядеть лучше...

Вместе с Дебюкером он спустился по лестнице, пересек двор, полный невообразимого шума, и направился к ограде, где на цепи стоял его мопед.

— Ну что, пропустим стаканчик? — спросил Дебюкер.

Это стало традицией: выходя из лицея Св. Людовика, ученики выпускного класса частенько отправлялись в ближнее бистро, заказывали один стакан вина на двоих или троих, курили, играли на электрическом бильярде, вели разговоры о политике, автомобилях, девушках, кино и, обогатившись жизненным опытом и довольные собой, расходились, ловя на себе неодобрительные взгляды хозяина. Но сегодня Даниэля тянуло домой. Ему не терпелось поскорее остаться наедине со своими планами.

— Нет, старик, сегодня не могу, — сказал он Дебюкеру. — Меня ждут...

По его таинственному тону можно было предположить, будто у него назначено свидание с девушкой. И хотя никакого свидания не предстояло, Даниэль все же не совсем обманывал товарища. С некоторых пор он не сомневался, что сестра его одноклассника Лорана Савло — Даниэла — к нему равнодушна. Это была хорошенькая и веселая светло-русая девушка, не слишком утруждавшая себя школьной премудростью. Два раза они ходили в бассейн «Молитор». Она даже подарила ему свою фотографию.

— Ну тогда я тебя не задерживаю! — сказал Дебюкер. — Пока, старик!

Дебюкер подмигнул, двусмысленно и не без изящества.

Минуту спустя Даниэль несся в потоке машин, распрямив плечи, глядя вперед, словно плыл в пироге по тропической реке, кишашей крокодилами. Про Даниэлу он и думать забыл.

В доме на улице Бонапарта парадный двор был забит машинами. Всех видов и мастей, они стояли вдоль обоих крыльев здания и даже перед главным фасадом, у высоких и широких окон, украшенных ионийскими пилястрами. По правилам ставить здесь автомобиль разрешалось только жильцам, однако гости и поставщики оставляли около дома свои машины, вызывая протесты со стороны тех, кто имел на это законное право и обычно лишь с трудом въезжал во двор или выбирался оттуда. Весь дом — с первого этажа до пятого — постоянно возмущался и угрожал прибегнуть к крайним мерам за нарушение правил стоянки. Тщетно пытаюсь умиротворить недовольных, консьерж то и дело бегал из квартиры